

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

ЖИТЬ НАРОДНЫМ ПРАВОСЛАВИЕМ

Это делает художник-старовер — и детям с теплотой прививает

Павел Григорьевич ВАРУНИН — человек в мире известный: художник, писатель, издатель, иконописец, гравер, резчик по дереву, организатор летних лагерей для детей из семей староверов. Родился и живет в Тарту. Побывал в Риге в Дни традиционной староверческой поморской культуры, организованные Староверческим обществом им. И. Н. Заволоко в Балтийской международной академии...

Наталья ЛЕБЕДЕВА

Павел ВАРУНИН привез в Ригу старинный печатный станок — копию того, что изобрел и подарил миру в XV веке первопечатник Иоганн ГУТЕНБЕРГ и на котором русский первопечатник Иван ФЕДОРОВ напечатал в XVI веке первые книги.

Павел Григорьевич поясняет: — Пять лет назад я сделал по старинным образцам станок для печатного лубка. Изначально-то промысел был народный, и печатались так называемые потешные листы зачастую на самой дешевой бумажке. Делали краску, она притиралась деревянной ложкой — и вот тебе лубок. А когда поняли, что это востребовано и пошла коммерция, стали печатать на печатных прессах, как у Федорова или Гутенберга.

Я сделал реплику станков первопечатников — дубовая рама, кленовый винт, типографские краски, сделанные по старинным рецептам на основе льняного масла. Все в традициях. Сегодня на Днях культуры с одной доски мы напечатали славянскую азбуку, а с другой — образ Николая Отвратного (отвращает от нас зло). А на втором столе на мероприятии я показывал, как можно сделать лубок притиранием обыкновенной деревянной ложкой.

А моя жена Марина показала технику набойки на ткани. Это исчезнувшее ремесло, которое было широко распространено до появления ситценабивных машин и разных тканей. Крестьяне прежде украшали ткани набойкой. Была набойка верховая — к примеру, павло-

посадские платки, когда расстилась ткань и наносились краски штампами, и кубовая набойка — когда на белой льняной ткани узоры печатались такими же штампами, но вапой (это жидкий грунт из глины). Из такой ткани шили сарафаны...

«Станок с ЧПУ нам не конкурент»

Украшающие холл резные иконы удивительной красоты, выразительности и изящества — тоже творение Павла Варунина.

— У меня только резная икона, и очень долгие годы я на это не решался... Что такое иконопись вообще — ремесло или искусство? Скажу крамольную вещь: считаю, что это больше ремесло. Потому что ты здесь очень жестко ограничен системой подлинников и можешь играть только колоритом. Слишком канонично, догматично.

А резная икона как раз позволяет тебе выйти из каких-то

Павел ВАРУНИН и его печатный станок.

жестких границ — дает тебе объем, которым ты можешь здесь играть. Зафиксировать что-то ближе, что-то на дальнем плане, и в то же время в идеале это — Божественный мир, залитый ровным Божественным светом, где нет теней. Но это плоский мир, а любому зрителю нравится высокий рельеф, он более наряден, и у меня высота рельефа до 6 мм, и этим можно играть.

Резная икона поразительна даже при отсутствии яркости и красок. Хотя у меня есть мысль — не раскрашивать образы, а

втирать подкрашенное масло, чтобы был легкий флер. Здесь нельзя раскрашивать, чтобы икона не превратилась в матрешку.

У православных резные иконы были запрещены Петром I. И веками бытовало такое странное лукавство — что, мол, нет резных икон и резных скульптур, но есть резные изображения. В это искусство еще не успело прийти барокко, и старинные русские резные допетровские иконы — более строгие. Где их можно увидеть? Был ряд выставок в Кирилло-Белозерском монастыре, во многих музеях России можно встре-

тить резные иконы Николая Можайского, скульптурки Нила Столобенского и другие образцы.

Сейчас резные иконы появляются, но больше это связано со станками с ЧПУ — числовым программным управлением, продаются не только иконы, но и шаблоны образов. Это уже коммерция начинается, продукт для массового производства. Честно говоря, я не видел в массовой продаже икон РУЧНОЙ работы, все предлагаемое — это продукт станка с ЧПУ...

«Жить народным православием»

Говорим с Павлом Григорьевичем об истоках веры, наследии предков.

— Мы все — продукт бабушкиного воспитания, — делится он. — И мое приобщение к вере проходило через бабушку — Саломею Афанасьевну, которая водила меня в тартускую моленую. И еще возили меня в Калласте и мустевские храмы.

В юности ведь все прекрасно и солнце ярче светит. Но благодаря дедушке и бабушке я почувствовал какую-то ностальгию по царским временам, временам их детства — когда видел эти старинные костюмы, посуду Кузнецова, иконы, лубок... Показалось, что это такое было сказочное, золотое время — при царе-батюшке, когда староверам дали

свободу. Не вымыслись еще фольклор, костюмы, народные приметы. Ложка упала — хорошая женщина в гости идет, вилка — недобрая, нож упал — мужик идет. Это же все была жизнь!

Потом оно постепенно уходило, но приходило осознание, что это — Ценность. Я понимаю, что священники, наставники, вообще священнослужители будут пытаться выпестовать какого-то идеального христианина, но все равно народ в своей массе живет этим народным православием. Все это всегда было в жизни, в семьях, было тепло и близко душе, поэтому в моих картинках к православным праздникам и других так много этого народного суеверия. Эта теплота уходит, и я поэтому и рисую, иллюстрирую то, что ее вызывало...

«Картинки» Варунина так филигранно, с таким добрым юмором и в старинном духе написаны!

— Сегодня много зла вокруг, поэтому если человек улыбнется, глядя на какую-то картинку, если ему станет от нее тепло на душе — уже хорошо. И это способствует формированию чего-то доброго, теплого, семейного, а семья — всегда самое главное. В человеке это желание добра и уюта всегда присутствует, и такими маленькими шагами, этими картинками, хочется формировать у него положительный настрой...

«Безумно люблю русскую вязь»

— А как вы стали гравером?

— Неподалеку от нас жил хороший мастер-гравер, немец по происхождению. И я в 14 лет стал приходить к нему, мне было интересно. Он был в возрасте, рассказывал про старый Петербург, художественно-техническое училище, в котором витал имперский дух. Он искал учеников, чтобы передать им секреты своего мастерства. Я стал его учеником.

Потом отслужил армию, где тоже, можно сказать, занимался творчеством. Рисовал боевые листки, «ненаглядную» агитацию, делал прочие оформительские работы. После армии учился в Заочном Народном университете искусств.

В Тарту был инструментальный цех, куда я пришел работать гравером. Во многом это была техническая гравировка, тексты, шрифты. Если ты работаешь гравером — должен все эти шрифты не только знать и любить, но и сразу в голове переворачивать зеркально. И люблю у меня всегда была к шрифтам — безумно люблю русскую вязь, готические шрифты. В написании русской вязью я даже вижу какой-то орнамент. Та же арабская вязь — орнамент, элемент какой-то сказочности...

— А как начали писать книги?

— Первое произведение — сказка «Ряпуша», написанная из желания задержать, остановить целый пласт явлений. Когда ты вдруг замечаешь, что уходит из повседневной жизни прежний уклад — бытовые привычки, все эти приметы народного православия, уходит даже диалект. И появилось желание зафиксировать это не в научном словаре, а через детей.

Икона «Деисус».

◀ Сказка «Ряпуша» продиктована таким желанием. В моем детстве рыба ряпушка была повсеместно употребляема. А потом она вдруг исчезла, стала каким-то деликатесом, деликатесом.

Ряпуша — герой книги, он ездит на велосипеде, потому что в деревне это был основной вид транспорта. И в сказке масса диалектных слов, описание быта, который уже ушел.

Первая сказка была для меня своего рода баблством. А вот уже другая — «Славка

в стране Древлесловия» — написана по опыту проведения в течение 15 лет летних лагерей для детей староверов.

Я понимаю, что во многом уже не сохранить тот уклад, который существовал, но пусть дети хотя бы будут в курсе истории предков. Если 300–400 ребят побывали в летних лагерях, то пусть хотя бы десятая их часть что-то сохранит и продолжит... 📖

